

ЭТО ИМЯ...

Только вдумайся,
Вслушайся
В имя – «Россия»!
В нем и росы,
И синь,
И сиянье,
И сила...
Я бы только одно
У судьбы попросила –
Чтобы снова враги
Не пошли на Россию...
Знаю – все переможешь,
Знаю – все пересилишь.
Но за что тебе
Чтолько страданий,
Россия?..

Есть круги рая,
А не только ада.
И я сквозь них,
Счастливая, прошла.
Чего ж мне надо,
Да, чего ж мне надо?
Ни на кого
Держать не стану зла.
За все, что было,
Говорю — «спасибо!»
Всему, что будет,
Говорю — «держись!»
Престолы счастья
И страданий дыбы:
Две стороны
Одной медали —
«Жизнь».

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

Прозрачных пальцев нервное сплетенье,
Крутой излом бровей, усталость век,

И голос — тихий, как сердцебиенье, —
Такой ты мне запомнилась навек.

Была красивой — не была счастливой,
Бесстрашная — застенчивой была...
Политехнический. Оваций взрывы.
Студенчества растрепанные гривы.
Поэты на эстраде, у стола.

Ну, Вероника, сядь с ведущим рядом,
Не грех покрасоваться на виду!
Но ты с досадой морщишься: «Не надо!
Я лучше сзади, во втором ряду».

Вот так всегда: ты не рвалась стать «первой»,
Дешевой славы не искала, нет,
Поскольку каждой жилкой, каждым нервом
Была ты божьей милостью поэт.

БЫЛА! Трагичней не придумать слова,
В нем безнадежность и тоска слились.
Была. Сидела рядышком... И снова
Я всматриваюсь в темноту кулис.

Быть может, ты всего лишь запоздала
И вот сейчас, на цыпочках, войдешь,
Чтоб, зашептавшись и привстав, из зала
Тебе заулыбалась молодежь...

С самой собой играть бесцельно в прятки,
С детсада я не верю в чудеса:
Да, ты ушла. Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.
Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено.

Твой голос — тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне —
Тех, кто свою «карьеру» начинали
В сырой землянке — не в концертном зале,
И не в огне реклам — в другом огне...

И снова протестует все во мне:
Ты горстка пепла? К черту эту мысль!
БЫЛА? Такого не приемлю слова!
И вновь я в ожидании, и снова
Мой взгляд прикован к темноте кулис...

ПРОЩАНИЕ

Тихо плакали флейты, рыдали валторны,
Дирижеру, что Смертью зовется; покорны.
И хотелось вдове, чтоб они замолчали —
Тот, кого провожали, не сдался б печали.
(Он войну начинал в сорок первом, комбатом,
Он комдивом закончил ее в сорок пятом.)
Он бы крикнул, коль мог:
— Выше голову, черти!
Музыканты, не надо подыгрывать смерти!
Для чего мне рапсодии мрачные ваши?
Вы играйте, солдаты, походные марши!

Тихо плакали флейты, рыдали валторны,
Подошла очень бледная женщина в черном.
Всё дрожали, дрожали припухшие губы,
Всё рыдали, рыдали военные трубы.
И вдова на нее долгим взглядом взглянула:
Да, конечно же, эти высокие скулы!
Ах, комдив! Как хранил он поблекшее фото
Тонкошей девчонки, связистки из роты.
Освещал ее отблеск недавнего боя
Или, может быть, свет, что зовется любовью.
Погасить этот свет не сумела усталость...
Фотография! Только она и осталась.
Та, что дни отступленья делила с комбатом,
От комдива в победном ушла сорок пятом,
Потому что сказало ей умное сердце:
Никуда он не сможет от прошлого деться —
О жене затоскует, о маленьком сыне...
С той поры не видала комдива доньне,
И встречала восходы, провожала закаты
Все одна да одна — в том война виновата...
Долго снились комдиву припухшие губы,
Снилась шейка, натертая воротом грубым,
И улыбка, и скулы высокие эти!..

Ах, комдив! Нет без горечи счастья на свете!
А жена никогда ни о чем не спросила,
Потому что таилась в ней умная сила,
Потому что была добротою богата,
Потому что во всем лишь война виновата...

Чутко замерли флейты, застыли валторны,
И молчали, потупясь, две женщины в черном...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66